

3.35

Омд. 11

29.

621

Ланниште.

СПбГУ

19297

157
34588

СПбГУ

СПбГУ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Фунд. библ.
Сиб. 2 гиле.

Шкафъ _____

Полка _____

№ _____

Имя _____

СТАНКОБОРНИКЪ

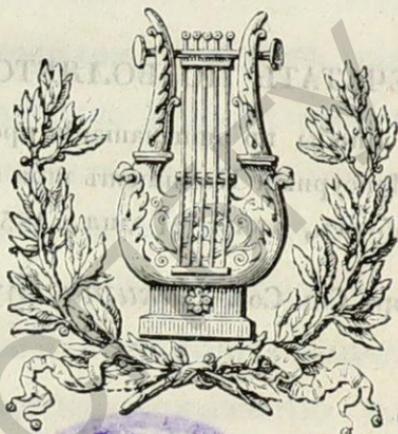
С. П. П. П.
С. П. П. П.
С. П. П. П.
С. П. П. П.
С. П. П. П.

1916

1730

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПАВЛА ШКЛЯРЕВСКАГО.

PROVERBA 2007

БИБЛИОТЕКА
П. ОБАИ
С. ПЕТЕРБУРГ

337

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Печатаю въ Типографіи вдовы Плюшаръ

=
1831.

4
1439

СЛІХОТВОРЕНІЯ

ПАВЛА ШКЛЯРЬСЬКАГО.

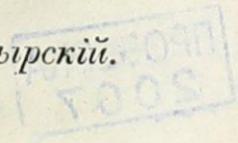
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи предспавлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С. Пешербургъ, Іюня 21 дня, 1831 года.

Ценсоръ Сп. Сов. *Никита Бутырскій.*

0081

1831

оставшихся послѣ него сочиненій и переводовъ — и при сравненіи различныхъ списковъ одного и того же стихотворенія. Но когда лучшія списки были выбраны и приведены въ порядокъ; когда узнаны были имена сочинителей при переводахъ, однимъ словомъ когда все было приготовлено къ изданію, я съ безпокойствомъ помышлялъ объ ономъ, не довѣряя самому себѣ и не надѣясь удовлетворить ожиданія читателей. Въ самомъ дѣлѣ ничего не можешь быть опаснѣе, какъ издавать новую книгу въ той странѣ, гдѣ уже есть образцы почти во всѣхъ родахъ поэзіи, но гдѣ нѣтъ еще общаго, образованнаго чувства изящнаго, и гдѣ пошлостью гораздо болѣе ложной кри-

пики, нежели истинной литературы. Думая безпреспанно о послѣднемъ, я совѣпвался съ людьми опышными, знающими цѣну произведеніямъ словесности, и убѣжденный ихъ опзывами, я выдаю эпистихотворенія и ищу одного благосклоннаго вниманія.

Впрочемъ, если издашело, соединенному дружбою съ авторомъ, позволено сказать нѣсколько словъ о сочиненіяхъ и переводахъ послѣдняго, то онъ осмѣлился поставишь нѣкопорья изъ оныхъ на ряду со многими хорошими произведеніями нашей словесности. Я называю хорошимъ только то, гдѣ высокая идея, облеченная въ разные виды игривою фантазією, выражена обра-

зованнымъ, гармоническимъ языкомъ. Здѣсь необходимо также прибавимъ, что стихотвореніе должно быть нравственно, ибо напрасно будешь искать поэзіи тамъ, гдѣ обрисовываютъ со всею роскошью богатаго языка сцены недостойныя даже обыкновеннаго разговора. — И къ несчастію въ новѣйшее время выходятъ у насъ много подобныхъ стихотворныхъ повѣстей и съ одобреніемъ принимающія публикою. — Разсмотримъ же теперь сочиненія Шкляревскаго, (копорыхъ къ сожалѣнію не много) и вы вездѣ найдете или высокую мысль, или чувство, выраженное языкомъ самымъ поэтическимъ; прочтите его стихи *къ Богу, къ другу, на новый годъ, къ товарищамъ,*

и вы удостовѣришесь, что мои слова справедливы. — Даже въ *Кузль* — думѣ, еще совершенно необработанной, чувство грусти выражено отличнымъ образомъ. Я не говорю о его переводахъ, которые всѣ съ лучшихъ писателей: изъ Гете, Шиллера, Байрона, Горация и проч.

Такимъ образомъ читателю предлежитъ книга, имѣющая хотя нѣкоторыя достоинства; мнѣ пріятно будетъ услышать приговоръ строгій, но справедливый; еще пріятнѣе было бы узнать, что труды мои признаны полезными.

Вопль что я почтитель необходимъ сказать объ этой книгѣ; многіе изъ читавшихъ стихотворенія Шкляревскаго желали также знать

и нѣкопорыя обспояшельства его жизни. Но исполняя ихъ желаніе, я скажу, что жизнь молодого человека, умершаго на 24-мъ году возраста, и еще не выспупившаго на поприще гражданской дѣятельности, можетъ быть занимательно только для его друзей. — Онъ родился 1806 года, 15 Января, Полшавской губерніи въ городѣ Лубнахъ. — На 11 году своего возраста опвезенъ былъ въ Пепербургъ, гдѣ и воспитывался у своего дяди, и въ 1823 году опданъ былъ въ С. Пепербургскую Гимназію, въ это время учрежденную. — Во все время пребыванія въ Гимназіи онъ показывалъ шу дѣятельность души, копорая въ послѣдствіи могла бы доставить по-

чешное мѣсто между учеными Россіи. Эпошь періодъ его жизни ешь въ тоже время и шипической; бѳльшая часть переводовъ, шеперь издаваемыхъ, принадлежитъ къ этому времени. Ешь много его собственнхъ сочиненій тогда написанныхъ; они все носятъ на себѣ печать юношескаго порыва, но не имѳють той зрѳлости, которая отличаетъ позднѳйшія его сочиненія, и поэтому я рѳшилъ не печатать оныхъ.

Въ 1827 году онъ переведенъ былъ въ Императорскій С. Петербургскій Университетъ, гдѣ и занимался предметами Философо-Юридическаго Факультета. — Въ томъ же году въ Ноябрь мѣсяцъ, Императоръ Имяннымъ Указомъ приказалъ вы-

брашь изъ всѣхъ Рускихъ Университетовъ молодыхъ людей, и послѣ испытанія въ Академіи Наукъ отправивъ въ Университетъ Дерптскій, а потомъ въ Германію и Францію, дабы въ послѣдствіи занявъ кафедры въ Рускихъ Университетахъ. Шкляревскій, уже давно оплывавшійся своими знаніями, былъ поже выбранъ въ эпошъ такъ называемый Профессорскій Институтъ, и 1828 года, Іюля 15-го отправился въ Дерптъ по часши философіи. Здѣсь открылось новое поле для его умственной дѣятельности; богатая библіотека доставила ему многія средства для занятій, и онъ съ величайшимъ рвеніемъ старался о пріобрѣтеніи новыхъ познаній; но это самое спрем-

леніе и было причиною его смерти. Опъ чрезмѣрнаго напряженія онъ получилъ чахопку и въ 1830 году 10-го Іюня скончался, оплакиваемый всѣми своими друзьями и поварищами.

Такова была жизнь молодаго поэта;— присоедините ко всему этому необыкновенную доброту души, пламенный патриотизмъ и желаніе быть полезнымъ своему отечеству, по вы невольно объ немъ пожалѣете; если же такія качества юноши ручающіяся за зрѣлость въ лѣтахъ возмужалыхъ, по объ немъ можно сожалѣть болѣе нежели только о молодомъ человѣкѣ.

Михаилъ Куторга.

Какъ иля на камнѣ, прикрывшемъ гробницу
Знакомаго странника къ холму манитъ ;
Пусть такъ мое иля твой взоръ обратитъ,
Лишь только ты взглянешь на эту страницу !

И если прочтешь ты его, и слезою
Задумчивый взоръ твой тогда заблеститъ ;
То думай, что нѣтъ меня здѣсь подъ луною,
И что мое сердце въ строкахъ сихъ лежитъ !...

(Изъ Байрона) ПАВЕЛЬ ШКЛЯРЕВСКІЙ.

Куда же вы идёте, предвещая гибель?
Знаете ли вы, что такое война?
Идем туда, где есть своя судьба,
Здесь только мы сможем выжить!

И если придется нам воевать,
Забывший есть не наш человек!
То лучше, чем быть мертвым в окопе,
Мы все равно будем жить!

(На фоне) Имя Искра.

Со скалы на скалу водопада валы

Ахъ ты знаешь ли гору сію ?

О, туда

Намъ дорога съ тобою, родитель! пойдемъ!

ЛАКИНЪ-И-ГЕРЪ.

Лакинъ-и-Геръ, или, какъ произносятъ Шотландцы, Лох-на-Гарръ есть высокая гора въ Сѣверной Шотландіи близъ Инвернольда. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ упоминаетъ о ней, какъ о высочайшей въ Велико-Британіи; не говоря о семъ, замѣтимъ только, что гора сія есть самая живописная и величественная между Каледонскими Альпами. Видъ ея темнаго цвѣта, но вершина одѣяна вѣчными снѣгами. Близъ Лакинъ-и-Гера я (*) провѣлъ нѣсколько лѣтъ моей юности, и воспоминаше о семъ произвело слѣдующіе стансы.

I.

Сокройтесь отъ взоровъ, поляны съ цвѣтами;

Картины садовъ и долинъ!

Пусть неги любимецъ цѣлится вами,

Пусть любить васъ роскоши сынъ!

(*) Говоритъ Байронъ.

Отдайте мнѣ скалы, утесы крутые,
Гдѣ радости въ дебряхъ цвѣтуть,
Утесы престолы снѣговъ вѣковые,
Любви и свободы пріютъ!
Мнѣ милы твои, Каледонія, горы
И рощи на скатахъ стреминь;
Пльнительны рокоты грома и споры
Стихій вокругъ бѣлыхъ вершинъ;
Любно вознесенныя къ тучамъ громады,
Гдѣ вмѣсто ручьевъ, на скалахъ
Клубятся въ ущельяхъ, ревуть водопады
Мечтаю о дикихъ лѣсахъ

Мрачнаго Лох-на-Гарра.

II.

Ахъ! тамъ моя юность въ тиши протекала,
Тамъ я по долину блуждалъ;
Шотландская шапка (*) главу покрывала
И вѣтеръ мой плащъ (**) развѣвалъ.
Бывало, въ спокойствіи рощи угрюмой,
Средь черныхъ, обрушенныхъ пней,
Въ минувшемъ летая крылатою думой,
Будиль я погнѣшихъ вождей.

(*) Bonnet, родъ колпака, который обыкновенно носятъ горные Шотландцы.

(**) Plaid, спанча.

И только тогда исчезало мечтанье,
Тогда я жилища искалъ,
Когда чуть бледнѣло свѣтила мерцанье
На темь нахмуренныхъ скалъ,
И въ Сѣверь ярко звезда золотая
Блестѣла сквозь дымъ облаковъ...
Какъ душу питалъ я, съ восторгомъ внимая
Преданіямъ древнимъ сыновъ
Мрачнаго Лох-на-Гарра!

Ш.

О тѣни умершихъ! Не я ль съ трепетаньемъ
Вашъ голосъ громовый внималъ?
Не онъ ли сливался дубравъ съ бушеваньемъ
И съ вѣтромъ ночью завывалъ?
Ахъ! верно, несясь надъ холмами родными,
Плывя надъ страпою родной,
Героя душа утышается ими,
Обрѣтши отрадный покой!...
Когда Лох-на-Гарра главу сѣняетъ
Ночь бурная чернымъ крыломъ,
Въ разщелинахъ дикихъ зима възсѣдаетъ
На тронъ въ выщѣ ледяномъ:
Тогда облакаются тучами тѣни
Героевъ и предковъ монхъ;
Они возлежать средь порывныхъ смитеній
На крыліяхъ бурь громовыхъ
Мрачнаго Лохъ-на-Гарра!

IV.

Могущіе предки дышавшіе славою!

Несчастья и васъ обрѣли! (*)

Иль жребій плачевныйъ средь съчи кровавой

Видѣнія не предрекли? ...

Ахъ! въ битвѣ Кулоденской пали Вы, дѣды!

Вы пали — огонь жизни угасъ,

И вамъ не гремѣли ни плески побѣды,

Ни славы торжественный гласъ! ...

Но, предки, утѣштесь! — Вы счастливы нынѣ,

Вы раннимъ поконтесь сномъ,

Въ пещерахъ Бремара, (**) въ утѣпной пустынь,

Гдѣ токъ на утесъ крутомъ

Шумитъ и сверкаетъ подь говоромъ елей...!

О вашихъ безсмертныхъ дѣлахъ

Гласитъ и пѣснь рога, (***) и звонкихъ свирѣлей

Звукъ, вторимый эхомъ въ лѣсахъ

Мрачнаго Лох-на-Гарра!

(*) Здѣсь сочинитель разумѣетъ предковъ своихъ съ материнской стороны Гордоновъ; многіе изъ нихъ сражались за Прища Карла, известнаго подь именемъ притязателя (Pretender).

(**) Мѣсто въ Шотландіи; тамъ находится также замокъ Бремаръ.

(***) *Bagpipe* — особеннаго рода музыкальный инструментъ, употребляемый въ Шотландіи; онъ имѣетъ сходство съ нашею вольщикою.

Мелькнули лѣта, Лох-на-Гарръ, но очами
Тебя не привѣтствовала я ;
Мелькнуть и еще — но, быть можетъ, стопами
Не буду касаться тебя. . . .
Хотя на чело твое холодной рукою
Природа не сыплетъ цвѣтовъ,
Но ты и безъ нихъ разцвѣтаешь красою
Милый Албiонскихъ луговъ !
О Англія ! нѣтъ, не доставлять отрады
Всѣ прелести рощицъ твоихъ
Тому, кто взираетъ на сѣдья громады
Разбросанныхъ горъ ледяныхъ,
Взбирался съ трудомъ на крутыя стремнины,
Лѣсистыхъ холмовъ высоты,
Кто видѣлъ суровой природы картины,
Развалины скаль — красоты
Мрачнаго Лох-на-Гарра !

•••••

Ф И А Л К А.

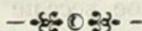
Гдѣ гибкій орѣшицкъ сплетается съ ивой,
 Фиалка подѣ сѣною вѣтвей
Цвѣтетъ, помрачая красою стыдливой
 Цвѣты и садовъ и полей.

Какъ нѣжно листочковъ лазурныхъ блистанье
 Подѣ каплей жемчужной росы ;
Но видѣль я очи : нѣжнѣй ихъ сіянье
 Сквозь чистую перлу слезы !

Едва загорѣлось дневное свѣтило —
 И высохла въ листьяхъ роса :
Не долѣй блестяла въ очахъ моей милой
 Разлуки печальной слеза.

ПЛАЧЬ ЯРОСЛАВНЫ.

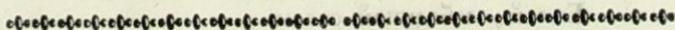

Не голубки воркованіе
Разливается по рощицѣ :
Ярославны голосъ стелется
По стѣнамъ Путивля древняго.

» Гдѣ ты Игорь — радость, счастье
Ярославны одинокія,
Какъ въ долинь ландышь вянущій?
Прилети веселой птичкою
На поля цвѣтущей родины,
Прилети въ мои объятія,
Осуши съ лица печальнаго,
Поцѣлуемъ слезы горькія. . . .
Ахъ! когда-бъ была я горлицей —
Полетѣла-бъ къ другу — голубю
Вдоль Дуная серебристаго ;
Прилетѣла-бъ въ поле ровное —
Тамъ крыломъ любви невинныя
У шатра въ лугу муравчатомъ

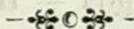
Обняла бы Князя милаго!
Отерла бы раны горькія
Рукавомъ бобровымъ съ ласкою!...
Ветеръ, ветеръ! Что съ нами емъ
Ввешъ крыльями холодными?
Ахъ! зачѣмъ стрѣлу пернатую
Не отвѣялъ ты отъ Игоря?...
Ахъ! зачѣмъ мое веселіе
Ты развѣялъ рѣзво по лугу
Вмѣстѣ съ листьями поблекшими?
Малюль горь крутыхъ — играть тебѣ
Съ облаками серебристыми;
Корабли ледя по морю
Вѣять въ парусы игривые?...
Солнце свѣтлое, прекрасное!
Всѣмъ ты мило, всѣмъ прелестно ты,
Всѣмъ сердцамъ блестящъ ты радостью
На лазури неба чистаго!
Ахъ! зачѣмъ лучи каленые
Прошло на милыхъ воинновъ?...
Лукъ засохъ унывшихъ ратниковъ,
Притупились стрѣлы острыя,
Щитъ и шлемъ покрыты пылію!...
Свѣтлый Дибирь! Рѣка широкая!
Ты пробилъ сквозь горы каменны
Путь въ предѣлы Половецкіе.
Ты лелѣялъ Святославова
Ладін — на былыхъ парусахъ

Бѣлой, лебединой стаєю
Разсыпавшія поверхность водъ!
Ахъ! ледя на зыбяхъ своихъ
Ты носи ко мнѣ любезнаго —
Дабы съ утренней денницею
Или съ мѣсяцемъ серебряннымъ
Мнѣ не лить съ тоскою, горестью
Слезъ на волны моря синяго!...
Ахъ! когда бы знала бѣдная,
Что сразили друга — Игоря,
Не ходила бь къ морю синему!
Не мочила бы боброваго
Рукава въ слезахъ катящихся!
Не смотрѣлабъ въ даль пустынную,
Не быють ли тамъ парусы
Рывымъ вѣтромъ воздымаемы!
Не лила бы слезъ потоками
На песокъ, на камни хладные!»

КЪ ПОСТУМУ.

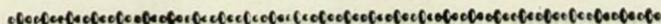
...! Eheu! fugaces, Postume, Postume,
Labuntur anni

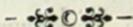
Ахъ! Постумъ, Постумъ, какъ мечта,
Какъ сновидѣнiе, лѣта
Мелькають быстро за лѣтами.
О другъ! ни горькими слезами,
Ни благочестьемъ, ни мольбами, —
Ни чѣмъ не отвратить сѣдинъ,
Брюзгливой старости морщинъ,
И смерти лютой, непреклонной.
Хотябъ ты каждый день рыдалъ
И предъ кумиромъ благовонной
Во храмъ ладагъ возжигалъ;
Хотя бы триста закалалъ
Воловъ на олтаре Плутоу:
Слезамъ твоимъ, обътамъ, стону,
Безжалостный не внемлетъ онъ.
Имъ въ царство твѣей заточень
И трехтѣлесный Герiонъ

И Тибцій громомъ пораженный,
Тудажъ за брегъ рѣки священной,
Тудажъ и насъ въ чешвѣ
Умчить на вѣкъ отъ жизни брэнной.
Всѣмъ — будь иль царь иль селянинъ! —
Всѣмъ жребій равный, путь одинъ,
Тудажъ, за брегъ рѣки священной,
Всѣхъ раболъ, позноли Харонъ,
Умчить на вѣкъ отъ жизни брэнной.
Вотще со страхомъ убѣгаешь
Кровавыхъ Марсовыхъ полей;
Вотще крылатою ладьей
Подъ воемъ бурь не разсѣкаешь
Кипящихъ Адріи валовъ;
Вотще укрылся въ теплоу съни,
Когда съ полудня вѣтръ осенній
Летить съ грядами облаковъ:
Увидишь мрачный міръ Анда;
Гдѣ воды черныя клубить —
Струей льнивою Коцитъ,
Узришь безславныхъ Данандъ,
Труды Сизифа-Эолида.
Оставишь некогда луга,
Оставишь жатвы золотыя,
И Тибра пышные брега,
И пляски Грацій полевыя;
Супругу милую, и садъ,
Гдѣ плещеть свѣтлый водопадъ

И вьется ручеекъ кристальный;
Оставишь все — и за тобой
Одинъ лишь кипарисъ печальный
Послѣдуетъ на холмъ пустой,
И будетъ, вѣчно зеленыя,
Оплакивать у Мавзолея
Столь быстротечный жребій твой. . . .
И скромный домъ осиротѣетъ,
И расточитель овладѣетъ
Богатствомъ скопленнымъ тобой;
Опустошитъ всѣ кладовыи,
Друзей на шумный ширъ сзоветъ;
Цѣдя въ Фіалы золотыя
Цекубски вина дорогія,
Небрежно на поля разольетъ. —

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Роса озаренная алымъ сяньемъ,
На пвжномъ блеститъ василькъ;
Картины цвѣтущей весны съ трепетаньемъ
Рисуются въ ясной рѣкѣ.

Прекрасны — источникъ, бѣгущій съ утеса,
И роца въ пурпурныхъ лучахъ;
И сладостенъ сонъ озлащеннаго льса,
Глубокій покой на поляхъ!

Прекрасна-златая звезда на огнистомъ,
Багряномъ краю облаковъ,
Кудрявая липа на холмѣ душистомъ
И риза-цвѣтная луговъ!

Прекрасенъ въ долину кустарникъ зеленый,
Увѣчаный прудъ тростникомъ,
И сладко журчащій ручей, осыненный
Развѣсистой ольхи шатромъ!...

0081

Все тихо! лишь иволги въ роуцѣ стenanь,
И звонкая трель соловья,
И гибкой осины листовъ трепетанье
Сливаются съ плескомъ ручья....

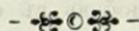
О сколь восхитителенъ вечеръ весенній —
Природы уснувшія видъ!
О какъ неизмѣнно любовь въ своей снѣи
Сонмъ тварей союзомъ хранить!

О сколь ты премудро, Благій и Всесильной!
Для счастья миръ сотворить!

И розы долины — съ улыбкой умильной
И сонмы горящихъ свѣтилъ.

Ты двинешь дещицей — и листь упадаетъ
На крыльяхъ Зефира съ кустовъ;
Ты двинешь — въ пространство небесъ исчезаетъ
Система плывущихъ мировъ!

П Л Я С К А.

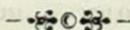
Зри, какъ быстро четы волною игривой кружатся,
Чуть досязая земли рыво-крылатой стоной!
Тыни ли зрю я воздушныя, свершшія тѣла оковы?
Эльфы ль въ сіяньи луны свѣтлою цѣпью плывутъ?
Какъ, зефиромъ колеблемый, дымъ струится летучій,
Словно въ сребристыхъ зыбяхъ легкой колышется
челнь,
Скачешь, топочешь стопа подь сладостный ладъ пе-
реливовъ;
Рокоть, бряцаніе струнъ живость вываютъ въ тѣла.
Вотъ, какъ будто стремясь расторгнуть цѣпь хоровода,
Тамъ, въ стѣснившійся рядъ мчится отважно чета.
Быстро предъ ней разступается ходъ, исчезая за нею;
Словно волшебнымъ жезломъ вдругъ заграждается
путь.
Мигомъ отъ взоровъ она потерялась; въ смятеніи
дикомъ
Гибнетъ плывительный строй, двигаясь рушит-
ся міръ.

Нѣтъ, тамъ ликуя несется она; развивается узелъ;
Лишь въ измененной красѣ вновь учреждается чинъ.
Рушася вѣчно, зиждется вѣчно, вращаясь, творенье;
Тайный законъ естества править игрой переменъ.
Но отъ чего же, вѣщай, непрестанно зыблются лики
И въ движеніи существъ царствуетъ вѣчный покой?
Всякъ владыка, свободецъ, лишь сердца внушенью
подвластенъ,
И скоротечно спынить общей, извѣстной стезей?
Хочешь ли знать? То уставъ Гармоніи — мощной
богини:

Дружною пляской она буйный смирляетъ скачокъ;
Какъ Немезида, златой сладкозвучья уздой укрощаетъ
Дикую радость души, пылкой, кипящей восторгъ.
Или вотще для тебя рокочетъ музыка вселенной?
Иль не чаруетъ тебя стройнаго пѣнья потокъ?
Ни воспыхательный ладъ, согласіе чудное тварей,
Ни круговой хороводъ, плавно въ пространствахъ
небесъ
Свѣтлыя солнцы вратящій на поприщахъ, смѣло из-
вѣстныхъ?
Мѣры, храшмой въ игрѣ, въ дѣйствіяхъ ты не
блодешь.

ДУМА ЗЛОДЬЯ.

Какъ въ морь бьется утлый чолпъ ,

Такъ я волнуюсь страстью!

Какъ въ небесахъ ужасный громъ

По тучамъ пробѣгаетъ,

Такъ надъ моей главой гремитъ

Отмстительница-кара!

Ахъ яростныхъ судебъ удара

Никто, ничто не отразитъ . . .

Исчезну я — по преступленья

Пребудуть въ вѣкъ позоръ людей!

И сладкій мѣръ успокоенья

Найдуть въ обители тѣней!

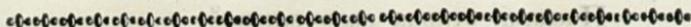
Ахъ, нѣтъ! мой гнусный прахъ истлѣетъ —

Но черной жизни моея

Дыханье смерти не развѣетъ:

Дѣла безсмертны, какъ и я. —

ДѢВА ИЗЪ ЧУЖБИНЫ.

Когда природа разцвѣтала
И ранній жаворонокъ пѣлъ ;
Незапно дѣва посѣщала
Долину — пастырей удѣль.
Она родилась не въ долину ;
Отколь гость, никто не зналъ ;
Но лишь скрывалась, какъ въ пустынь
Слѣдъ дѣвы скоро исчезалъ.
Все въ ней влекло, обворожало
Лился восторгъ съ ея очей :
Но сердце мѣло, трепетало,
Благоговѣло передъ ней.
Она цвѣты, плоды носила,
Взлѣглышны въ странѣ иной,
Лучемъ не нашего свѣтила,
Не нашей красною весной ;
И гости къ ней текли толпами,
И дѣва щедрою рукой
Дарила юношу цвѣтами !

Плодами старца надъ клюкой.

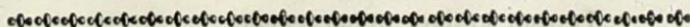
И были все той дѣвѣ рады;

Но для стыдливыя чѣты

Хранились лучшія награды —

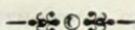
И всѣхъ румянѣ цвѣты. —

ПѢСНЬ ЛЮБВИ (*).

На новый 1850 годъ.

Снова мы стеклись, о братія,
Вся въ одинъ семейный кругъ;
Снова теплыя объятія
Отверзаетъ другу другу.
Соплетемъ же красной младости
Писнопѣнія вѣнецъ,
Освятимъ для горней радости
Храмы дольше сердець!

Было время: одинокою
Каждый странствовалъ тропой,
Сквозь туманъ и глушь далекою
Увлекаемый звездой.
Но Грядый незримо съ чадами
Слить пути въ единый путь:
Взгляды встрѣтились взглядами
И къ груди прижалась грудь.

(*) Читано въ собраніи профессорскаго Института,
при празднованіи Нового года.

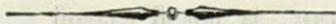
Духомъ втайнѣ прореченное
Въ милый образъ облеклось,
И свѣтило вожделенное,
Всѣмъ единое, зажглось.
То свѣтило незакатное
Мы любовію гласимъ :
Чье-то око благодатное
Въ наше сердце смотритъ имъ.

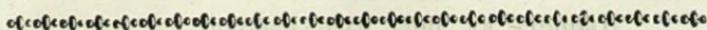
Какъ отъ странъ грѣхопаденія,
Гдѣ земный отцвѣтъ эдемъ,
Вѣстникъ шествовалъ спасенія
Къ яслямъ Бога въ Вифліемъ
И, колеблясь утѣшительно,
Разливалъ нетлѣнный свѣтъ ;
Полны радости живительной,
Мудрецы текли во слѣдъ :

Такъ изъ брешнаго отечества,
Гости міра, мы грядемъ
Къ колыбели человечества
Въ невтшающій эдемъ
Вихремъ дни за днями рѣются,
Молніей мелкаетъ годъ
Скоро, скоро! мраки съются
Утро! Путники, вперед!

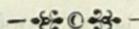
Дышетъ въ лица распаленныя
Намъ разсвѣтнѣй вѣтерокъ,
Росы путь кропятъ студеныя,
Розами горитъ востокъ.
И внезапно въ блескъ велиемъ
Станеть вождь верху гробовъ,
И взыграемъ мы веселиемъ
И въ убогій впадемъ ровъ.

Ахъ! тамъ солнца пренебеснаго
Возсіяетъ полный ликъ!
Меркнетъ ока лучъ тѣлеснаго,
Цѣпнеть нашъ языкъ!
Но еще мы зъсь, о братія!
Насъ земный стѣсняетъ кругъ!
Пусть же въ теплыя объятія
Заклочаетъ друга другъ!

СПОКОЙСТВІЕ.

Холмится бурей водъ равнина ,
Кипятъ валы , реветъ пучина
И звездъ сопутницъ мерклетъ свѣтъ.
Пловецъ трепещетъ устрашенной ,
Блѣднѣетъ — и мольбой смиренной
Съ небесъ спокойствіе зоветъ.
Герой въ пылу кипящей брани
Страшится блещущихъ мечей ,
Вздыхаетъ , и подъемля длани ,
Зоветъ покой душъ своей.

Но лишь желанія свершились ,
Лишь бури вѣтры укротились ,
Вновь моря зыбь половецъ браздитъ
Недавнимъ боемъ утомленный
За лаврами , за повою славой
Герой опять на смерть спѣшитъ.
Спокойствіе , тебя желаемъ
И въ часъ , когда тебя бѣжимъ !
Съ тобою смерть мы презираемъ
И отъ тебя — къ тебѣ жъ летимъ.

Здѣсь Царь на ложь позлащенномъ
Безмолвно, въ трепетъ священномъ,
Окрестъ не дремлетъ воевъ строй,
Но царь болѣзнію томится,
Онъ стонетъ; ночь во вздохахъ дѣлится —
И надъ вычашною главою
Не вѣетъ сладкій сонъ крилами;
Отъ томныхъ вѣждъ покой бѣжитъ;
Царь бдитъ еще, когда лучами
Дѣшница горъ верхи златитъ.

Тамъ пастырь на коверъ зеленый
Безпечно простираетъ члены;
Какъ лугъ, душа его ясна,
Гдѣ лишь зефиръ въ листахъ играетъ
И въ перловой росѣ сверкаетъ
Сіяньемъ брежжущимъ луна.
Не движутъ сердца въ немъ заботы;
Ни замысль суетный, ни страхъ
Не возмутятъ его дремоты:
Онъ зреть Дориду и въ мечтахъ.

Покой летитъ отъ водъ бурливыхъ;
Летитъ отъ замковъ горделивыхъ;
Летитъ отъ славы и честей;
Отъ сонма ратниковъ несется;
Тирановъ лютости смѣется;
Безцѣнный діадимъ царей —

Онъ любить жить въ семьѣ невинныхъ,
Простосердечныхъ пастуховъ ;
Въ укромныхъ шалашахъ пустынныхъ ,
На брегъ свѣтлыхъ ручейковъ.

Когда еще при чистыхъ нравахъ
Блуждали пастыри въ дубравахъ ,
Цвѣло довольствіе и миръ ;
Средь рощицъ вѣрность обитала ,
Душа корысти не алкала ,
Не въдомъ былъ похвалъ кумирь .
Жизнь пастыря утѣхи длили ;
Являлась смерть какъ милый другъ ;
Стада — его пароды были ,
Чертоги — куца , царство — лугъ .

Отъ хищныхъ взоровъ скрыто мглою ,
Жельзо спало подь землею
И злато, пагубный металлъ,
Не обнажался мечъ блестящій ,
Трубы военной гласъ гремящій
Сердцецъ на бой не воспалялъ .
Кровавыхъ браней вихрь бурливый
На мирныхъ долахъ не шумѣлъ ,
Пастухъ цѣвницею игривой
Еще любовь и дружбу пѣлъ .

Но изменился ликъ природы :
Любви , согласья , мира годы
Какъ сонъ прелестный утекли .
Время владычица блаженныхъ ,
Навѣкъ отъ смертныхъ развращенныхъ ,
Сокрылась Истинна съ земли ;
И ей во слѣдъ вспорхнулъ гонимый
Мечемъ и золотомъ , покой :
И только мудрецу незримо
Онъ возвращаетъ вѣкъ златой .

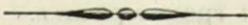
Тщеть кто вѣно не склоняеть ;
Для жизни — смерть воспоминаеть ,
Для смерти — въ правдѣ жизнь блюдетъ .
Согласный съ міромъ и съ собою ,
Не бременить небесъ мольбою :
Въ немъ , что другой отъ неба ждетъ .
Единая доблесть насъ возноситъ ,
Мзду токмо въ ней мы обрѣтемъ ,
Тотъ кто , стяжавъ вѣнецъ , отброситъ ,
Какимъ украсится вѣнцемъ ?

Тотъ истый царь , кто правъ душою ,
Кто страсти оковалъ уздою ,
Кто въ очи смерти хладно зреть .
Въ немъ тотъ же духъ подъ небомъ чистымъ ,
Или когда покровомъ мглистымъ
Свѣтло дня гроза мрачить .

Пусть рухнет волей провидьня
Ось міроданья надъ главою,
При грозномъ трескъ разрушенья
Не возматется онъ душой.

Земля, вращалась круговою
Творцемъ начертанной стезею,
Обряцетъ въ пламени конецъ.
Печезнутъ звездъ несметныхъ хоры,
Раздастся вошь: обрушется горы!
Но не восплачется мудрецъ.
Трещя сводъ неба сокрушится,
Луны и солща смеркнетъ свѣтъ.
Вновь Хаосъ ветхій воцарится:
Господь восхоцетъ — міръ преидеть.

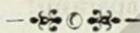
Что зрю я? Мраки расточились!
Что зрю я? Солщы воспалились
И новыхъ сферъ катится строй!
Се! громъ трубы къ суду сзываетъ —
Расторглась ношь — перушь сверкаетъ!
О мудрость, се зрю образъ твой!
Ты истины друзей стремишься
Отвлечь отъ яростныхъ громовъ;
Ты длань прострешь имъ и помчишься
Сквозь лучезарный кругъ міровъ.

•••••

ДРЕВНЯЯ

ГРЕЧЕСКАЯ ПЬСНЯ.

I.

Шествуйте, Еминовъ чада!

Бранное время пришло!

Не мыль свободы ограда?

Мы ли понизимъ чело?

Явимся местию отчизны,

Свергнемъ тиранства яремъ;

Не опозоримъ сей жизни!

Други, сразимъ иль умремъ!

Къ мечамъ; сыны свободы! въ бой

Съ свирьпыми врагами!

Прольемъ ихъ черну кровь рѣкой,

Самихъ попремъ стопами!

II.

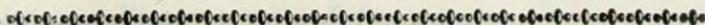
Спарта, ты спишь — и оковы
Грудь бременять: о, воспрянь!
Кликни Аѳинам: » почто вы
Дремлете! Идемъ на брань!
Пусть на семъ подвигъ смѣломъ
Будеть и жезлъ вашъ и щитъ
Доблѣй душою и дѣломъ
Храбрый герой — Леонидъ!

Къ мечамъ, сыны свободы! Въ бой
Съ свирѣпыми врагами!
Проьемъ ихъ черну кровь рѣкой,
Самихъ попремъ стопами!

III.

Вспомните: онъ Оермопиль
Своею славою огласилъ;
Персовъ несмѣтныхъ силы
Съ горстью своихъ сокрушилъ,
Отдалъ свободѣ священной
Радостно жизнь онъ свою,
Храбро, какъ левъ разъяренной,
Палъ на кровавомъ бою.

Къ мечамъ, сыны свободы! Въ бой
Съ свирѣпыми врагами!
Проьемъ ихъ черну кровь рѣкой!
Самихъ попремъ стопами!

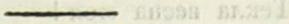

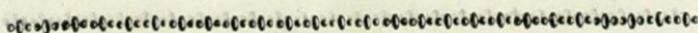
ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ.

Оставляю кровь безцвѣтный,
Гдѣ цвѣтеть моя любовь,
И бреду, уединенный,
Въ глубь таинственныхъ лѣсовъ.
Мѣсяцъ дубы осребряетъ,
Зефиръ дышетъ по цвѣтамъ
И съ березъ густыхъ свѣваетъ
Надъ поляной фимиамъ.

О, съ какимъ восторгомъ сладость,
Нѣгу лѣтней ночи пью!
О какъ быстро льется радость
Въ душу грустную мою!
Сердце бьется чаще, чаще...
Но съ лобезною моею
Ночь одна, прелестнѣй, слаще
Тысячи такихъ ночей.

МЛАДЕНЧЕСТВО.

Гдѣ вечеромъ осина
Тренещеть надъ прудомъ,
Гдѣ оніамъ ясмнна
Развлянь вѣтеркомъ:
Съ калиткою плетеной,
Рисуясь въ лонѣ водь,
Вкругъ хижинь смиренной
Укронный садъ цвѣтеть.

Отъ бурнаго волненья
Спѣшу къ тебѣ назадъ
Подъ кровъ успокоенья,
Родимый тихий садъ!
Привѣтствую съ слезами
Вась, холмы и поля,
Гдѣ, радостными днями
Текла весна моя! —

Вотъ мрачныя березы;
Спокойствія приютъ;
Сія гряда, гдѣ розы
Съ гвоздиками цвѣтуть;
Сей съ желтою крапивой
На кровль мохъ съдой;
Колодезь; говорливый
Источникъ подъ травой;

Рядъ улыбъ: пчель жужжанье,
Калитки ветхой скрипъ,
Голубокъ воркованье,
И шопоть древнихъ липъ:
Все здѣсь краснорѣчиво,
Все въ душу сладость льетъ,
Все юности счастливой
Дни сердцу отдастъ!

О ты, чей жезлъ свергаетъ
Съ минувшаго покровъ,
Чей голосъ вызываетъ
Изъ гроба рядъ вѣковъ,
Мечта! укрась цвѣтами
Былыхъ восторговъ слѣдъ,
И озари лучами
Трошнику майскихъ лѣтъ.

*

Зрю дубы вѣковѣе
Брегъ шелковый ручья,
Гдѣ ощутилъ впервые
И грусть и радость я;
Поляну подъ горою,
Гдѣ, у серебристыхъ водъ,
Подъ звукъ рожка, весною
Кружился хороводъ;

Засѣку, гдѣ какъ Флора,
Лилета, цвѣтъ села,
Фіалки для убора
И ландыши рвала;
И прудъ, гдѣ я рѣзвился
По златнымъ берегамъ,
Когда мой флотъ носился
По зеркальнымъ струямъ.

Здѣсь, гдѣ колося нивы
Волнуетъ вѣтерокъ,
Овсянокъ въ чащѣ нивы
Мой обольщала смокъ,
Тамъ въ рожицѣ тѣнистой
Я нволю внимать,
Тамъ на травѣ цвѣтистой
Изъ вѣтвей воздвигать

Прохладные палаты
Въ кустахъ, у ручейка ;
Здѣсь съ трескомъ змѣй крылатый
Летѣлъ подь облака ;
Тутъ на ковръ зеленомъ
Гонялъ я мотыльковъ ;
Тамъ шлепъ подь мшистымъ кленомъ
Вѣнки изъ васильковъ.

Вотъ школа съ повелюшкой
Площъ вьется по стѣнамъ :
Здѣсь грозный дьякъ — владыкой
Міровъ казался намъ.
Тамъ у пруда, подь тѣнью
Дубовая скамья,
Гдѣ яицы въ *Воскресенье*
Каталъ съ друзьями я.

Вотъ яворовъ подь сѣнью
Кладбище, рядъ могиль :
Здѣсь, преданъ размышленью,
Я при лунѣ бродилъ,
Бесѣдовалъ съ гробами,
Ихъ тайный гласъ внималъ —
И съ жаркими слезами
Крестъ матери лобзалъ ;

Помость, гдѣ посѣдлой
Герой, на костыляхъ,
Съ улыбкою веселой
И съ пламенемъ въ очахъ,
Про лѣтъ старинныхъ славу
Повѣствовать любилъ,
Про Рымникъ, про Варшаву
И гордый Измаиль

Гумно, гдѣ подъ игривой
Звонъ цитры, межъ сноповъ,
Съ подругою стыдливой
Въ вѣнкъ изъ васильковъ,
И классовъ жнецъ прелестный,
Какъ юный Фавнъ, плясать;
И хоръ сѣмь-окрестный
Цереру воспѣвать.

Вотъ на лугахъ зеленыхъ
Душистыя скирды
И мѣльницы окриленныхъ
Веселые ряды;
Озерко межъ кустами,
Гдѣ зыблется тростникъ
И плещется струями
Порхающій куликъ.

Вот холмъ: съ зарей багряной
Здѣсь жавронокъ трель; и
И гулко надъ поляной
Пастухъ въ рожокъ трубилъ,
Въ долину, подлѣ рощи,
Гдѣ соловей свисталъ,
Подъ кровомъ лунной нощи
Быль мой театр и балъ.

Клубъ радужныя явны
Быль краше и свѣтлѣй,
Чѣмъ пурпуръ многоцвѣтнй
И перлы богачей.
Бесѣдка, гдѣ я крылся
Въ полдневный сильный зной,
И въ забытьи стремился
Въ волшебный мѣръ мечтой.

Тамъ зрѣлъ я окриденныхъ
Змей, дышущихъ огнемъ,
И карликовъ зеленыхъ
Съ алмазнымъ копьемъ,
Прудъ-океанъ сердитый,
Шалашъ — былъ замокъ фей,
Вѣтвь — конь златокопытый,
Волшебникъ — соловей.

Тогда, заботъ не зная,
Какъ ландышъ полевой
Я росъ, благословляя
Завидный жребій свой ;
И дни мои златились
Веселеньемъ однимъ,
И слезы не катились
Въ желаньи видѣть Римъ,

Рафаеля картины,
Швейцаринъ свѣга,
Неполя долины
И Рейнскіе брега ;
Ихъ замѣняли : злачный
Пригорокъ иль дужокъ,
Фіалки, ключъ прозрачный
И желтый мотылекъ.

Ахъ ! если вспомню младость,
Всю прелесть игръ златыхъ,
Невинность сердца, сладость
Восторговъ молодыхъ ;
Сколь тяжело вздыхаетъ
Грудь томная моя !
Такъ вѣтеръ колыхаетъ
Зыбь гладкаго ручья.

Ахъ! быстро улетѣли,
Вы, дни весны моей!
Отъ мирной колыбели
До гробовыхъ дверей
Что съ вами, что сравнится?
О благо свѣтлыхъ дней!
Слеза моя катится
Невольно изъ очей!

О родины долины!
Вы, холмы, вы, дуга!
Ахъ, Альповъ ли вершины,
Пеня ли берега,
Иль рощи Кашемира
Замѣнятъ васъ собой?
Тебя, обитель мира,
Невинности святой?

На снѣжныя стремнины
Въ предѣлы чуждыхъ странъ,
На бурныя пучины
Въ свирѣпый океанъ,
Въ пріютъ уединенья,
Ко мнѣ въ мечтахъ златыхъ,
Глаголы утѣшенья
Летятъ съ полей родныхъ.

Когда не озаряетъ
Мглу ночи ликъ луны,
И эхо повторяетъ
Мой стоиъ средь тишины;
Съ небесъ отчизны льется
Ко мнѣ покой, лучъ;
Такъ алая смѣется
Денница послѣ тучь.

Бразды моря ладьею
Какъ Магеланъ и Кукъ;
Безвѣстною стезею
Пройди во храмъ наукъ;
Видь ликъ твой изваянный
Во мраморъ, въ мѣди;
Спи, цѣгой обаянный,
Киприды на груди;

Державъ, племень властитель,
Правь думами царей;
Будь Перу повелитель;
Голкондою владѣй;
Всѣ лавры, всѣ короны
Владыкъ земныхъ стяжай;
Всѣмъ чѣмъ сіяють троны,
Единый ты сій!

Ахъ! тщетно! Рой жужжащій
Заботь летить съ тобой;
Вездѣ: въ чертогъ блестящій,
Въ моря, въ кровавый бой!
Звучить весельемъ лира —
Но гдѣ мечты твои?
Ахъ въ свѣтлый кубокъ пира
Слезъ точатся струи.

Ты презрѣшь шумъ военный:
Тоска мрачить твой взоръ;
Безсмертьемъ озаренный,
На льды Алпійскихъ горъ
При плескахъ ты восходишь:
Но скорбь — тебѣ во следъ,
И счастья не находишь
Средь лавровъ и побѣд!

Почто же, въ дальни страны —
Безумные летимъ?
Исплававъ океаны
Себя ли убъжимъ?
Ахъ! счастье насъ летѣть
Лишь въ родинѣ святой,
Дыханье мира вѣтъ,
Вкругъ юности одной!

Какъ роза молодая,
Какъ зеркало ручья,
Какъ радуга златая,
Прелестны дни ея!
Съ невинностью играетъ
Богъ времени съдой,
Но ей не развиваетъ
Священный свитокъ свой.

Ахъ! Стикса брегъ ужасный —
Брегъ нашихъ всѣхъ страстей;
Блеснетъ лишь Вesperъ ясный —
Конецъ мечтамъ дѣтей!
Насъ туча устрашаетъ:
Невинность межъ цвѣтовъ
Съ улыбкой засыпаетъ
Подъ рокотомъ громовъ!

КЪ ДРУГУ,

(во время грозы).

Пусть съ ужасомъ блѣднымъ порокъ боязливый
Въ ущелія темныхъ вертеповъ летить,
И мщенья трепещеть судьбы справедливой,
Что въ пламенныхъ тучахъ по небу парить.

Съ высотъ осыпная мощной рукою,
То бурю кротящей, то вержущей громъ,
Стоитъ, какъ въ сіяніи дня подъ грозою,
Осклабя Доблестъ съ подъятымъ челомъ.

Въ перунахъ, съкущихъ померкшіе своды,
Въ борющихся вихряхъ, въ стenanнхъ дубровъ,
Ей слышатся тѣже глаголы природы,
Какъ въ шорохъ зыблющихъ злакъ ветерковъ.

Изрыто премьнами попреще свѣта ;
Несчетно вѣтся на ономъ путей ;
Но вѣчна одна провидѣнія мѣта :
Вѣютъ стези — и сливаются въ ней.

Всеобщее благо равно пламенѣтъ
Въ свѣтилахъ, надъ синимъ эфиромъ горитъ ;
Какъ въ розѣ нагбенной рососою алетъ,
Иль въ нѣжныхъ малиновки треляхъ звучитъ.

Во вѣкъ да не тмитъ, о мой другъ не забвенный,
Души твоей свѣтлой, мечтательный страхъ :
Эпидой ума отъ тебя отраженный
Пускай онъ гнѣздится въ растлннхъ сердцахъ.

Да нѣжно хранить тебя горня сила,
И дни твои въ радужномъ блескѣ текуть ;
Да Ангелы окрестъ лазурныхъ крила,
Какъ сънь надъ главою твоей распрострутъ.

Когда по безбрежнымъ пучинамъ творенья
Последній прокатится рокоть громовъ ;
Разстроить согласныя звѣзды пѣснопѣнья,
И мертвыхъ воздвигнетъ подъ склепомъ гробовъ :

Спокойно да узришь съ отрадой священной,
Конечную бурю, сквозь вихри огня,
Сквозь пепель и дымъ, по обломкамъ вселенной
Ведущую въ свѣтъ невечерняго дня!

Скороговорка: Кого не украсит лавровый венок, не украсит и дубовый. (Кто не украсит лавровый венок, не украсит и дубовый.)

КЪ МЕЛЬПОМЕНЪ.

Quem tu, Melpomene,

Кто нежный и ласковый взоръ Мельпомены
Привѣтствовать первой улыбкой очей:
Того не украсить листъ дуба зеленый
На играхъ Истмійскихъ; не узритъ Алфей
Его колесницы; и прахъ воздымая
По звонкому полю столпомъ отъ копытъ,
Соперниковъ гордо вдали оставляя,
Конь быстрый къ побѣдѣ его не примчитъ;
Увѣнчанный лавромъ, съ корыстью военной,
Поправши кичливость крамольныхъ владыкъ,
Не вступить герой въ Капитолій священной,
Внимая народные плески и крикъ: —
Но въ Тибуръ смирномъ, въ объятяхъ свободы,
Кудрявые роци и зелень луговъ
И тихихъ ключей свѣлоструйныя воды
Вдохнуть въ него къ сельской цѣвницѣ любовь.

Вселенной влаетителя чада, квинтиты,
Плывлются лирой моей ; я вступилъ
Въ любимые хоры пѣвцовъ знаменитыхъ ,
И зависти стрѣлы сей щить пригнулъ.
О муза, люющая рязвой игрою
Волшебные звуки по арфамъ златымъ,
Ты, властная дать прихотливой рукою
Гласъ лебедя сладостный рыбахъ пѣвымъ !
Твой даръ, о Богиня, твой даръ, что повсюду
Въ устахъ повторяется имя мое :
Что въ дальнемъ потомствѣ забыть я не буду,
Что правлюсь при жизни (коль правлюсь) — твое !

•••••

С Т А Н С Ы.

М. С. К—в.

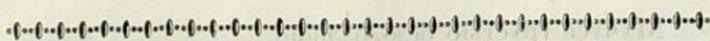
Не сбылись мечтанья младости,
Сны златые-майскихъ дней!
Не цвѣтутъ мнѣ въ жизни радости
Нѣтъ утѣхъ душѣ моеи!

Закатилось солнце ясное
Озарявшее мой путь;
И небесное, прекрасное,
Хладную не грѣть грудь.

Не пленяеть даль картинами,
Чувство славы умерлю,
И унылыми морщинами
Обложилось чело.

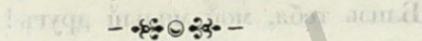
Мучусь грустью безотрадною,
Ахъ! я гнѣвъ судьбы позналъ!
Рано опытъ дланью хладною
Сердце бѣдное сковаъ.

Лишь одною тихой лирою
Услаждаю злой недугъ;
Лишь не сирь душою сирою —
Близъ тебя, мой милый другъ!

МОГУЩЕСТВО

П Ъ С Н О П Ъ Н І Я

Какъ лрый громъ, изъ щелей горныхъ
Грядетъ потокъ, сыгъ грозъ и льдовъ ;
Крутятся скалы въ хлябахъ чорныхъ,
Могучесть вержется дубовъ ;
И мѣетъ путникъ и трепещеть,
Падущихъ ревомъ водъ пѣнешъ ;
Онъ слышитъ : валъ съ утеса хлещеть,
Но гдѣ, не вѣсть, зачался онъ ;
Такъ пѣнь клубится быстротечно
Изъ темной глубины сердечной !
Завѣту страшныхъ силъ причастный,
Винощихъ втайнѣ жизни прядь,
Кто отразитъ пѣвца всевысшій
Глаголь ? кто сломитъ чаръ печать ?
Какъ Эрмій, души упасаетъ
Необоримымъ онъ жезломъ :

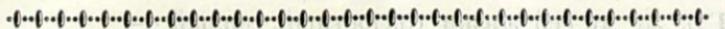
То въ царство смерти погружаетъ,
То мчитъ горь въ надзвѣздный домъ,
То въ снѣгахъ подъ облаками
Ширяеть стройно лебедями.

Когда ликующихъ въ средину
Ужасный великанъ, порой
Таинственно, духовъ по чину,
Неслышной увидеть Рокъ стопой :
Пришельцу отъ инаго міра
Челюмъ земныя чести быють,
Кимвальный звонъ и говоръ шпра
Замреть, личины въ прахъ падуть,
И исчезають лжей творенья
Отъ мощной правды маповенья.

Такъ, рокоть струшь всемя призывный,
Вмигъ отрясаетъ персть суеть
И, облеченъ въ савъ духа дивный,
Къ безсмертнымъ смертный въ ликъ грядеть ;
Онъ вѣчныхъ слово чтить скрижалей,
Земная власть предъ нимъ молчить,
Ни шумъ заботъ, ни стоишь печалей
Къ безстрастному не долетить ;
Святымъ горяцій вдохновеньемъ,
Онъ падъ судьбой стоить и тлѣнемъ.
И какъ, по грусти безнадежной,
По черныхъ сиротства годахъ,
На сердце родшей, каюсь иѣжно,
Въ горячихъ сыпъ падеть слезахъ :

Так дѣтства къ снѣмь пѣснь родная,
Невинности въ блаженный садъ,
Изъ дальня чуждыхъ нравовъ край
Приводить бѣглеца назадъ,
Да чистой вкуситъ вновь свободы,
Согрѣтый у груди природы.

М О Г И Л А.

Сладко спать въ гробъ мягкомъ, дерновомъ!

Мракъ и безмолвіе тамъ!

Онь застилаетъ чернымъ покровомъ

Міръ незнакомый сердцамъ.

Въ пѣдрахъ могилы не раздастся

Нежная пѣснь соловьевъ;

Съ томнымъ журчаньемъ въ зелени вѣтся

Чистый ручей межъ цвѣтовъ.

Вѣрная дружба свѣжія розы

Сыплеть съ любовью на мохъ;

Тщетно на камень катятся слезы;

Тщетно унынія вздохъ

Къ милому другу въ гробъ посылають

Юныя дѣвы весны!...

Вошли младенцевъ не долетаютъ

Въ край безответной страны!...

Гдѣ же въ сей жизни сладостный, милый —

Гдѣжь обитаетъ покой? . . .

Ахъ! лишь вратами мрачной могилы

Входимъ мы въ край золотой! . . .

Сердце колеблеть бури въ сей жизни:

Въ ней лишь несчастье одно!

Сердца миръ сладкій — въ лонѣ отчизны,

Тамъ, гдѣ не бѣется оно! . . .

Сумракъ разступился,
Надъ рѣкою боръ
Черный озарился;
Сквозь туманный флеръ
Вновь луна сверкаетъ
Перлами лучей:
Такъ порой слетаеъ
× Мракъ съ души моей, —
Въ часъ, когда блистая
Прелестію для
Гостя неземная
Посѣтитъ меня,
Нѣжно улыбнется
Словно дочь весны, —
И опять сольется
Съ мглою старины.

Сколь прелестень въ бѣлой
Ризѣ и въ вѣнкѣ,
Съ розой облетѣлой,
Съ лиліей въ рукѣ,
Мирный смерти Геній;
Дѣтства милый братъ,
Чистыхъ наслажденій
Красящій закатъ!
Юность насъ пльняеъ
Какъ зари восходъ;

Какъ сквозь дымъ мерцаетъ
Ночь съ толпой заботъ ;
Тамъ въ странѣ прекрасной
Чище для разсвѣтъ,
За дешицей ясной
Вечеръ не придетъ. —

Внимай какъ въ стекла градъ дробить,
Какъ вихорь завываетъ,
Какъ листья желтые клубить,
И ясени качаетъ.

Листокъ валится за листкомъ :
Такъ вянуть наслажденья!
Ахъ! скороль въ вихрь роковымъ
Я скроюсь въ гробъ забвенья?

Но быть во вѣки не престанетъ

Какъ утро мая — весела.

Надежда ввѣкъ да не забудеть :

» Я счастье, радость — всѣхъ сердець ! «

Вся жизнь, скажу я наконецъ ,

Вся жизнь твоя всегда да будетъ

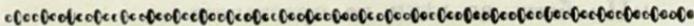
Плѣнительна, какъ ропоть струй ,

Свѣтла какъ ручеекъ прозрачный,

И сладостна какъ первый брачный —

Сердечъ слянье — поцѣлуй !

Б О Г У.

Тому ли, кѣмъ Альпы взнесенны къ звездамъ
Сквозь тучи, орканамъ смѣясь и громамъ,
Глядеть на бѣгушіе вѣки,
Тому-ль орошенные потомъ, въ пыли,
Исторгнувши мраморъ изъ сердца земли,
Вы зиждите храмъ, человекѣ?
Возрите горь! Не въ чертогъ ли святой
Скругляется небо, гдѣ онъ лѣнотою
И славою въ солнцахъ сіяеть?
Что тѣнина обитель предъ вѣчнымъ Творцомъ?
Онъ былъ, онъ пребудеть; ее же крыломъ
Летающее время стираеть!
Взираемъ! Парить мірозданія Царь
На крыльяхъ грозы, по стоитъ нашъ Олтарь,
Куря оніамъ Всеблагому,
Кто пѣжно и дольніе терны растить,
Кришь сильный питаеть и влагу дарить,
Какъ морю, ключу луговому.

•••••

П Ъ В Е Ц Ъ.

Чей гласъ звучитъ тамъ, слышу я,
У моста предъ вратами?
Пусть снова въ залъ пѣснь сія
Раздастся передъ нами!

Такъ Царь выцалъ — и пажъ летитъ,
Явился пажъ, царь говоритъ:
Впустишь въ чертоги старца!

Привѣтствую тебя, соборъ
Героевъ и прелестныхъ!
Что зрю? Се звездъ несметный хоръ!
Се вождь свѣтилъ небесныхъ!

Се красоты и славы храмъ!
Закройтесь, очи! нѣтъ, не вамъ
Въ семь храмъ наслаждаться!

Пѣвецъ склонилъ на арфу взглядъ;
Зарокотали струны —
И души рыцарей кипятъ,
И млыють дѣвы юны.

Умолкъ. Доволенъ Царь игрой,
И цѣпью повелѣлъ златой
Украсть выно старца.

Не мнѣ златую цѣпь сію!
Цѣпь — рыцарямъ могучимъ:
Предъ ихъ лицомъ — мечи въ бою
И копійъ лѣсъ дремучій;
Цѣпь канцлеру златую дай:
Подъ бременемъ заботъ — пускай
Еще златое носить.

Какъ птица на вѣтвяхъ пою;
И птицѣ пѣснь — отрада;
И пѣснь моя — за пѣснь мою
Богатая награда.
Просить дерзну ли объ одномъ!
Вели кипящую виномъ
Поднести златую чашу.

Онъ взялъ и осушилось дно:
О, нектаръ — сердца сладость!
О, благо дому, гдѣ вино
Послѣдняя есть радость!
При счастьи вспомните пѣвца,
И восхвалите такъ Творца,
Какъ я васъ восхваляю.

•••••

КЪ ГРОСФУ.

Otium Divos rogat. . .

Пловець о покоѣ Боговъ умоляетъ ,
Когда воздымаяся волны шумять ,
И грозная туча луну помрачаетъ ,
И вѣрныя звѣзды во мглѣ не горять .

Сынъ Фракіи храбрый , воспитанный въ брани ,
Персъ гордый , искусный въ метаніи стрѣль ,
Возносятъ къ покою молящія длани ;
И дикимъ пріятель покоя удѣль .

За камни драгіе , за пурпуръ , за злато
Спокойствія , Гросфъ , не возможно купить ;
Сокровища , Ликторъ — заботы крылатой
Не могутъ отъ Царскихъ дворцовъ удалить !

Кто въ хижинѣ бѣдной доволенъ судьбою ,
Кто весель за дѣдовской чашей виша :
Тотъ счастливъ , — и страхъ съ потаенной тоскою
Не могутъ похитить пріятнаго сна .

Почто же въ короткое время сей жизни
Мы жертвуемъ счастьемъ надеждамъ пустымъ ?
Почто же мнѣемъ край милой отчизны
На страны, согрѣтыя солнцемъ другимъ ?

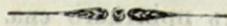
Забота плыветъ по волнамъ съ кораблями,
За всадникомъ въ битвѣ летитъ средь мечей;
И сернь легконогихъ и Евра, грядями
Гонящаго тучи, забота быстрѣй!

Нить чистаго блага! Судьбы отказали!
Скорѣй же цвѣтами чело обовьемъ;
Улыбкой прогонимъ заботы, печали,
И розу цвѣтущую нынѣ сорвемъ!

Взять рано могилой Ахиллъ знаменитой,
Титона суровая старость томить:
Кто знаетъ, что рокомъ въ грядущемъ сокрыто?
Тебѣ въ чемъ откажетъ — меня надѣлать.

Тебя украшаютъ червленныя ткани;
Тебя въ колесницѣ конь гордый несетъ;
Со стадъ собираешь обильныя дани;
Тебѣ гроздь Фалерна роскошный цвѣтеть:

Я, въ Тибурѣ, скромномъ удѣль Фортуны
Съ цѣвинцею сельской вкушаю покой;
Мнѣ сладостны лиры лезбосскія струны,
Пою — и смѣюсь надъ безумной толпой.

Въ науки алчный взоръ впередъ
И нѣжной дружбою горя!
Стремитесь къ истинѣ высокой,
Къ блестящей метѣ бытія —
И счастье — спутникъ вашъ, друзья,
И слава — вашъ удѣлъ. . . . а я,
А я, угрюмый, одинокой —
Не долго цвѣсть мнѣ на землѣ,
Я мраченъ, дикъ; ланиты впали,
И руки скорби начертали
Бразды на пасмурномъ челѣ.
Душа трепещетъ и нѣмѣетъ,
Въ костяхъ струится огонь и хладъ;
Померкли очи: тусклый взглядъ;
И грудь заныла, цѣпенѣетъ,
И въ сердцѣ тайный страсти ядъ.
Вотще мечтаю, вдохновенный,
Порой о славѣ, о священной
Небесной дружбѣ: злой недугъ,
Какъ змѣй, всю плоть мою терзаетъ,
Въ отчаяньи мятется духъ,
И жизнь примѣтно утекаетъ,
И жаръ къ прекрасному потухъ. . . .
И горько плачу я порою, —
И кто же, кто своей рукою
Мнѣ слезы съ нѣжностью отретъ?
Кто, сострадательный, сольетъ
Свою слезу съ моею слезою? . . .

Чего ищу, не обрѣту;
И рано, рано отцвѣту,
Сраженный смертною косою
Еще въ плѣнительной веснѣ;
Умру въ дали отчизны милой, —
Злосчастный, въ чуждой сторонѣ —
Умру — и надъ моею могилой
Кто, кто поплачетъ обо мнѣ?

У ногъ валы, холмясь, хлебещуть,
Въ лѣсу, отъ старца не вдали,
Я зрю Агаряне толпою,
На мхѣ росистыя земли
Почіють сладко подь грозою.
Уже потухъ въ костръ огонь,
Чуть парь вѣется синимъ клубомъ,
И одинокій дремлетъ конь
Понуривъ голову подь дубомъ.
Почтожь сей мужъ въ полночной мгль,
Съ лицомъ суроваго Героя,
Съ печатью скорби на чель,
Одинъ бѣжить одра покоя?
Или ему отраднѣй сна
Внимать какъ осень въ дѣбряхъ свищетъ
И зрѣть какъ пѣною волна
Вздымаясь на каменья прыщеть?
Ахъ! уврачуеть ли покой
Сердца кручиною томимы?
Сей старецъ съ міромъ и судьбой
Въ бореніи неизнуримый,
Изъ милой родины бѣглець,
Отъ хлада вретнищемъ прикрытый,
Сей Царь утратившій вѣнецъ —
Кучумъ, страдалецъ знаменитый!...
Напрасно буйный вихрь крыломъ,
Браду съдуо возвѣваетъ,
Напрасно воетъ лѣсъ кругомъ,

Онъ реву бури не внимаеть ;
При синемъ заревъ небесъ
Сидитъ онъ хладный , недвижимый ,
Какъ сей гранитовый утесъ
Грядюю бѣлыхъ волгъ дробимый.
Какъ нѣкій смутный , давній сонъ
Въ умъ былые будить годы.
Супруги, чада, ханскій тронъ,
Сибирь, несчетные народы,
И все мелькнувшее какъ дымъ
Дни мира, браней рядъ кровавой —
Все воскресаетъ передъ нимъ
Съ его безславіемъ и славой.

- « Сверхилось ! — Стонеть подь ярмомъ
« Сибирь закованная въ цѣпи ! . . .
« Оплоты рушены врагомъ.
« Снѣга, дубровы, горы, степи,
« Ни что не оградило насъ !
« Низпалъ ударъ не отразимый;
« Правдивъ шамановъ вѣщій гласъ ;
« Судьбы небесъ неумолимы.
« Свирѣпой местию дыша,
« Пылая къ родинѣ любовью,
« Безплодно берегъ Иртыша
« Я утучилъ невѣрныхъ кровью.
« Вотще сердитая рѣка
« Позоръ Кучума отомстила

- « И съ дикимъ ревомъ Ермака
« Въ кипящей хляби помотила!
« Я мнилъ, что плачемъ и мольбой
« Суровость Алмы преклонилась,
« Что къ вражьей гибели со мной
« И буря въ гнѣвъ ополчилась;
« Самъ Богъ рѣки, мечталось мнѣ,
« Десницею вздымая воды,
« Слѣзцу на радость, въ глубинѣ
« Погребъ чудовище природы. —
« Взыграло сердце, бодро вспать
« Притекъ я въ Искеръ опустѣлый,
« Внець Чишчиса воспріять
« И съѣсть на тронъ осиротѣлый.
« Казалось, туча пронеслась;
« Вновь покорились мнѣ народы,
« Вновь надъ отчизной занялась
« Заря багряная свободы. . . .
« Увы! паря надъ Иртышемъ,
« Съ горящимъ взоромъ изступленья,
« Призраки витязей съ вождемъ
« Вошли Русскимъ : братья, мщенья!
« И Русь призывный кличъ вяла,
« И вновь къ борьбѣ кровопролитной
« На берегъ Оби притекла —
« Свобода съ властью ненасытной.
« Съ зари до мраковъ бой кипѣлъ,
« Ущипся доль кровавымъ токомъ,

- « Все стибло, . . . грозный часъ припльъ ,
« Отринуть я ; забвень пророкомъ ,
« Булатъ Россійскій насыщенъ ;
« Всъ, всъ мои избиты слуги ;
« Влекутся въ вѣчный, вѣчный плнь ,
« Въ чужбину дальную , супруги ;
« Лишь я среди мечей и стрльъ ,
« Напастями непобѣдимый ,
« Я, старецъ ветхій, уцльль
« Для новыхъ мукъ судьбой щадимый !
« Сія ли мзда, о Магометъ !
« Моимъ молитвамъ сокрушеннымъ ?
« Сего ль я ждалъ, воюя свѣтъ ,
« Подъ знаменемъ твоимъ священнымъ ,
« Съ мечемъ въ рукахъ, неся коранъ ,
« Кумиры дикихъ повергая
« И мраки полунощныхъ странъ
« Лучами вѣры проясняя.
« Гдѣжъ всъ плоды моихъ побѣдъ ?
« Гдѣ мощь Кучумовой державы ?
« Гдѣ обтекавшіе весь свѣтъ
« Отзвуки громозвучной славы ?
« Увы ! отъ всѣхъ безцѣнныхъ благъ
« Осталось бѣдное названье —
« И мрачное на ихъ гробахъ
« Сѣдигъ одно воспоминаше !
« Сія златомъ и серебромъ ,
« Сибири щедрыми дарами,

« Приютомъ счастья былъ мой домъ,
« Отъ бурь хранимый небесами,
« Во дни покоя — нѣги сынъ,
« Строптивыхъ тяжкій бичъ во брани,
« Племень несмѣтныхъ властелинъ,
« Я возвелъ чилъ тронъ Шейбани.
« И трепеталъ надменный врагъ,
« При имени моемъ. . . а нынѣ
« Ахъ! все исчезло, все какъ прахъ,
« Крутимый вихремъ по пустынь!
« И что же? въ память лѣтъ златыхъ,
« Лишь тридцать вѣрныхъ слугъ, три сына
« Въ усладу тяжкихъ бѣдъ моихъ
« Дала мнѣ алчная судьбина. . .
« Печальный даръ! . . . Отраднѣ сонъ
« Надъ ними сладостно летаетъ,
« И громъ и мой тяжелый стонъ
« Покоя ихъ не прерываетъ.
« Былъ у меня, алмазь семьи,
« Другъ сердца отчаго избранный,
« Сынь Асманахъ, въ златые дни,
« Всецѣдрымъ Алмой низпосланный;
« Румянѣ зари сѣять
« Онъ лика свѣжею красою;
« Въ немъ я отраду почерпалъ
« Подъ гнѣтомъ золь крѣпясь душою,
« И дряхлый я при немъ юнѣль
« Подъ бѣлоснѣжными власами;

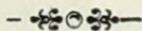
- « И рой надеждъ въ груди кипѣлъ,
« И волновался духъ мечтами :
« Воскресну я въ его сынахъ,
« Порой меня ласкала дума,
« И въ дальнихъ прогремить въкахъ
« Молва о доблестяхъ Кучума!!!
« Но чтожь? и Асманяхъ, и онъ
« Похищенъ, отягченъ цѣпями!!
« Ктожь мой разсѣетъ скорбный стопъ?
« Кто растворитъ печаль слезами?
« Ко чьей, ко чьей груди прильнуть
« Слѣпецъ бездомный, одинокій?...
« Кто сердобольный, перейметъ
« Глубокимъ вздохомъ вздохъ глубокій?
« О горе, горе мнѣ!... и врагъ
« Укрытъ въ гнѣздѣ отъ бури хладной. —
« А я могущій древле ханъ,
« Днесъ безпріютный, безотрадной,
« Одинъ, снѣдаемый тоской
« Сижу несчастью обреченный,
« Одинъ, одинъ во тьмѣ ночной,
« Имѣвшій все, всего лишешный!!
« Въ моихъ очахъ померкнулъ свѣтъ,
« Кручина слезы изсушила,
« Рукой желѣзною хребетъ
« Къ сырой землѣ бѣда склонила;
« Глубоко въ блѣдное чело
« Браздами вгрызлися морщины!

- « И бурь дыханье разнесло
« Мои послѣднія сѣдины!!
« Мнѣ славятъ Бѣлаго Царя,
« Гласятъ : какъ солнце всѣмъ сіяетъ
« Такъ онъ, добро одно творя,
« Враговъ прощениемъ караетъ.
« На страшный берегъ сей ко мнѣ
« Предсталъ посоль отъ воеводы,
« Мнѣ предрѣкалъ въ чужой странѣ
« И честь и радости свободы!...
« Свободы радости!... Увы!
« Не дважды насъ она лелѣтъ.
« Не ей процвѣсть въ стѣнахъ Москвы;
« Скорѣй, скорѣе почернѣтъ
« На семь чель сребристый власъ,
« Иль свѣтомъ око воспалится
« Иль съ новой лютостью на насъ
« Ермакъ възгрянувъ ополчится! —
« За плѣнь супругъ, за гибель чадъ
« Несытой местию пылая,
« Пойду ли въ ненавистный градъ —
« И тамъ у трона повергая,
« Владьки грознаго къ стопамъ
« Мою главу, на мѣсто дани,
« Прижмуль къ тренещущимъ устамъ
« Кровавыя убійцы длани?
« Нѣтъ, нѣтъ! Пусть чаша горькихъ золь —
« Судьбою на меня излита;

« Пусть ниспровергнуть мой престолъ,
« Пусть все отринули меня
« Досель вѣрные народы ;
« Но ты не узришь, о злодѣй,
« Рушитель вольности священной,
« Главы безвласья моей
« Клеймомъ страданій очерненной.

ПѢСНЬ НЕБА.

Въ свѣтломъ хорѣ солнць лучезарныхъ висится небо,
Круглое, неизмѣримое, образъ міровъ первородный,
Всѣхъ совокупность красоть, которыя быстрымъ по-
токомъ

По безпредѣльности вокругъ разливаются съ отблескомъ
неба.

Стройно вратится оно съ рокотаньемъ на крыліяхъ вѣ-
тровъ;

Къ берегу солнць отъ него сладкозвучное катится пѣнье,
Мѣрно плывущихъ міровъ. Умиленные лики безплот-
ныхъ

Гласъ ихъ бряцающихъ арфъ оживляютъ сей хоръ со-
вокупный.

Вѣчный Творецъ какъ торжественный гимнь славосло-
вія внемлетъ,

Какъ плывлются очи Его осклабляясь вселенной,
Тако и уши Его пѣсногѣніе сферъ улаждаетъ.

Ты, которая внушаешь высокія пѣсни,
Внемлешь безсмертнымъ, Бога зришь, Серафимовъ по-
друга,

Гимнъ воспѣваемый небомъ повѣждь мнѣ, жилища Сіона
Свѣтлое царство явленій Господнихъ, святись и кра-
суйся!

Здѣсь мы Господа зримъ, какъ Онъ есть, какъ Онъ былъ,
какъ Онъ будетъ,

Видь Блаженнаго безъ облаченья, безъ сумрака даль-
ныхъ

Мглою покровенныхъ міровъ. Здѣсь мы Тебя созерцаемъ
Въ сонмѣ избранныхъ, Тобою блаженству небесъ при-
общенныхъ.

Сколь безконечно Ты совершенъ! Тебя нарицаетъ
Небо, Тебѣ неизреченному имя Егова ;

Наша пѣснь сладкогласная, въ смѣломъ пареннѣ восторга,
Ищетъ Твой образъ : по тщетно. Вперясь въ глубину
Твоей славы,

Мысли едва къ Твоему Божеству воскрылится дерза-
ють.

Въ дивномъ величїи Ты лишь единъ совершенъ, При-
сносущный !

Мысль, которою Ты бытіе свое прозрѣваешь,
Коль возвышеннѣй, коль святѣе таинственной думы,
Дивное, коль святѣй, возвышеннѣй тайнаго взора
Обряцаемой свыше Тобой съ существомъ сотвореннымъ!
Но Ты благоволилъ, и кромѣ Тебя существа зрѣть
И на нихъ низпослать съ благодатию духъ животворный.
Небо Ты создалъ въ началъ, тамъ насъ обитателей неба.
Быль еще часъ вашъ далекъ, земля, дщерь юная свѣта,
Солнце и мѣсяцъ, текущіе купно съ блаженной землею.

Первенец міра, что было съ тобой при рожденьи,
въ день тотъ
Какъ, пролетѣвшій вѣчности, Богъ къ тебѣ низнустился
И святою обителью славы Господней украсиль ?
Своды твои необъятныя, къ новой возванныя жизни,
Тихо скруглялись, пріемля свой образъ; еще разносилъ
Творческій гласъ при первомъ звукѣ кристальнаго моря;
Ихъ брега , какъ міры взгроможденные слышали гласъ
сей,
Но ни единый безсмертный! Тогда стояль Ты, Знжди-
тель,
На веледѣльномъ, новомъ престолѣ себя созерцая,
Въ дивномъ безмолвіи. О восклицайте предъ мысля-
щимъ Богомъ.
Ахъ ! въ сей радостный мигъ онъ васъ сотвориль, Сера-
фимы,
Разума полныхъ и силы могущей Создателя мысли
Имъ отъ себя излианныя въ васъ, постигать въ умиленіи,
Аллилуія, хвалебное Аллилуія; Всевышній,
Приспо Тебѣ воспоеся отъ насъ. Бездонной пустыни
Рекъ Ты : не буди ! и тварямъ : раститесь ! Аллилуія !

Ильмена нудя, это была ее тогой при похоронах
на том-то
Никт, подобный явности Никт, как теб, вынужден
И едновременно славя Ложной, правды
Слова твои негодны, как новой возмущая жизни
Тыко едновременно, приехала свой образ, как влюбленна
Торжественный класс, при первом, затем при втором повороте
Никт брел, как иныя, впрочем, как иныя, славя, как
св
Но на едвой, без едвой, тогда столя, Ты, как и
Ты
И едновременно, подобно, подобно, едвой, едвой
И едвой, брел, и едвой, брел, едвой, брел
Ага! на едвой, брел, на едвой, брел, едвой, брел
Тыко, брел, в едвой, брел, едвой, брел
Никт, брел, в едвой, брел, едвой, брел
А едвой, брел, в едвой, брел, едвой, брел
И едвой, брел, в едвой, брел, едвой, брел
Тыко, брел, в едвой, брел, едвой, брел

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	VI
Mignon изъ Гёте (1825)	5
Лакмъ-и-Геръ изъ Байрона	5
Фіалка, изъ Валтера Скотта (1824)	10
Плачь Ярославны	11
Къ Постуму, изъ Горация Lib. II. Ode XI.	14
Элегія М. С. К—ъ	17
Веселій Вечеръ, изъ Матиссона (1825)	18
Пляска, изъ Шиллера (1826)	20
Дума злодѣя (1827)	22
Дѣва изъ чужбины, изъ Шиллера (1825)	25
На повый годъ, (1850)	25
Спокойствіе, съ Нѣмецкаго (1826)	28
Древняя Греческая пѣсня, съ Греческаго	33
Прекрасная ночь, изъ Гёте (1825)	35
Младенчество, изъ Матиссона (1824)	36
Къ другу (1827)	47
Къ Мельпоменѣ, изъ Горация Lib. IV. Carm. III. (1825)	50
Стансы М. С. К—ъ, (1826)	52

Могущество пьснопьянїа, изъ Шиллера (1830) ..	54
Могла изъ Салиса (1823)	57
Дѣтство, съ Ньлицкаго	59
Осенній вечеръ, съ Ньлицкаго	62
Въ Альбомъ сестрѣ (1827)	64
Богу	66
Пѣвецъ, изъ Гёте (1825)	67
Къ Гросфу, изъ Горація Lib. II. Carm. XIII. (1824)	69
Къ товарищамъ (1826)	71
Кучумъ, Дулиа (1826)	74
Пѣснь Неба, изъ Мессіады Клопштока (1826)	83

18,150. 2. 11 8

СПбГУ

СПбГУ

СПбГУ

222

СПбГУ

532

А 10

вая цена
—
Эп. 10.

СПбГУ

4
1439

258